

Разные аспекты идеи европейского единства в творчестве Э. Колорни были рассмотрены в статьях С. Феделе, П.С. Граля и Ф. Дзукка. Идея единой Европы была популярна в разных политических кругах итальянского общества. Проект европейской интеграции предполагал тесный союз демократических государств. Он должен был выступать гарантом мира на континенте и иметь антифашистскую направленность. Проект европейской интеграции оспаривал фашизм в его первоосновах, отвергая автаркическую замкнутость режима, его крайний национализм и милитаризм, мифологию расовой исключительности, дух авантюризма во внешней политике, дестабилизирующий международную обстановку. Государство-нация – эталонный тип европейской государственности порождал бесконечную цепь военных конфликтов, угрожавших гибели, особенно в новейшее время, самой западной цивилизации, а потому представлялось оптимальным его замещение общеевропейским федеративным устройством.

С. Феделе рассмотрел публицистические статьи Э. Колорни 30-х годов XX в. В одной из статей политик выдвинул в качестве цели антифашистской оппозиции не только свержение диктаторского режима в Италии, но и устранение всей буржуазно-капиталистической системы, включая ее концепцию государства и нации. Впоследствии эта мысль найдет свое воплощение в знаменитом “Манифесте Вентотене” – первом документе, где идея европейского единства будет сформулирована в ее левом варианте. Отныне, по замыслу сторонников европейской идеи, демаркационная линия между консерватизмом и прогрессом должна была пролегать между ними, мыслящими в категориях “интернационального государства” (единой Европы), и приверженцами старой модели государственности – государства-нации, – якобы полностью себя изжившей.

История создания “Манифеста Вентотене” рассмотрена в статье П.С. Граля. В подготов-

ке документа, законченного к середине 1941 г., решающая роль принадлежала А. Спинелли и Э. Росси, в то время как вклад Э. Колорни выглядел гораздо скромнее. Но идеи Э. Колорни привлекают к себе внимание смелостью мысли в моделировании послевоенного будущего единой Европы. В этом грядущем, не лишенном элементов провидчества проекте федеративного устройства Старого Света находилось место и Советскому Союзу, в то время нередко вызывавшему стойкое недоверие даже у европейских левых, и побежденной Германии. “... Социалист Колорни, – пишет П.С. Граля, – полагал, что немецкий народ совершит революцию в ближайшее время, именно благодаря победам Красной армии, которая обеспечит защиту будущей советской Германии. Та же со своей стороны предоставит руководящие кадры для модернизации и европеизации русского колосса, положив начало процессу европейского единства на социалистической основе” (с. 233).

Прогнозы Э. Колорни сбылись лишь отчасти. Не оправдали себя ожидания неминуемого конца идеи национального государства. Но идея европейского единства во второй половине XX в. получила развитие. Не утратили они свое значение и в настоящее время, когда Еврозоны переживает острый кризис. Идеи европейского федеративного устройства, сформулированные итальянскими левыми, в том числе и Э. Колорни, все чаще рассматриваются как способ преодоления нынешнего кризисного состояния Европы.

Воспоминания о Э. Колорни, написанные Дж. Вассалли и К. Павоне, удачно дополняют статьи сборника, делая образ политика более объемным.

*В.К. Коломиец,*  
кандидат исторических наук,  
ведущий научный сотрудник  
Института социологии РАН

**H. Duchhardt. FRIEDEN IM EUROPA DER VORMODERNE. AUSGEWÄLTE AUFSÄTZE 1979–2011. Paderborn – München – Wien – Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012, 210 S.**

**Х. Духхардт. МИР В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ 1979–2011. Падерборн – Мюнхен – Вена – Цюрих, 2012, 210 с.**

Выходу в свет рецензируемого издания способствовало несколько причин. В 2013–2014 гг. научная общественность отметит юбилей мирных конгрессов в Утрехте, Раштатте и Бадене, знаменовавших завершение войны за испанское наследство (1701–1714), а в 2015 г. – юбилей Венского конгресса 1815 г., который подвел итог напо-

леоновским войнам. Но прежде всего это издание стало данью уважения замечательному человеку и ученому, долгие годы возглавлявшему Институт Европейской истории (г. Майнц) и осенью 2011 г. покинувшему этот пост – Х. Духхардту.

В главе о сохранении мира автор обращает внимание, что в международно-правовых

сочинениях XVII–XVIII вв. в традициях поздней испанской схоластики война, проблемы ее гуманизации и правового ограничения, была главной темой размышлений и рассматривалась как феномен права, а не как элементарный акт завоевания. Даже Гуго Гроций в своем знаменитом труде “О праве войны и мира” главное внимание уделил войне как необходимому инструменту политики и как искусству. И всё же он первым связал с понятием правовой войны понятие легитимного мира – коррелята войны, многосторонне выстроенного и юридически оформленного (с. 9). Только во время Голландской войны (1672–1678), отмечает Х. Духхардт, появились ориентированные на международную практику штудии о посреднике, идеальные качества которого – полный нейтралитет и проведение в жизнь конкретного плана мира при обсуждении его вариантов – коренным образом отличались от образа посредника в сочинениях С. Пуффендорфа, уповавшего при посредничестве на такие методы, как давление и ультиматум. В международно-правовых сочинениях XVIII в. (труды Х. Вольфа, Э. де Ваттеля, аббата Мабли и др.) нейтралитет посредника дополнялся учетом формальностей церемониала, знанием дипломатических документов и умением донести свое мнение до договаривавшихся сторон (с. 16–33). Автор книги констатирует, что развитие мирных концепций, увы, расходилось с практикой посредничества, чаще всего сводившегося к политическому давлению, а к концу XVIII в. и вовсе исчезнувшей.

Во второй главе Х. Духхардт основательно исследовал ключевой документ Вестфальского мира – “Acta Pacis Westphalicae” и документы мирных конференций XVIII в. В веке Просвещения Х. Духхардт выделяет три аспекта развития международных отношений: 1) игра сил, ранее направленная против универсализма Габсбургов или Бурбонов, преобразовалась в баланс сил, зафиксированный на Утрехтском конгрессе 1713 г. как новая максима многосторонних отношений; 2) изменился состав ведущих держав в Европе; 3) пересмотрены международные правила взаимоотношений, обновился формальный аппарат договоров, кристаллизовалась модель мирного посредничества. Вместе с тем международное право требовало постоянных уточнений в связи с потребностью обоснования случавшихся конфликтов (с. 37–39). Поскольку договоры не стали инструментом мира, его идеологи искали выход в создании нейтральных мирных зон и гуманизации войны. В конце XVIII в. политическая и социальная система Старой Европы оказалась в состоянии кризиса, что питало экспансионизм, в том числе и войны эпохи Французской революции. Другими словами, указывая на то,

что внутригосударственные противоречия стимулировали войны (с. 44–51), автор приходит к выводу, что только внутренняя стабильность может обеспечить мир извне.

Наибольшее внимание в книге уделено Вестфальскому миру 1648 г., особенность которого Х. Духхардт видит в создании международно-правовой основы Старого порядка и его “канонизации” в философской и политико-правовой мысли вплоть до сегодняшнего дня. Ключевой идеей нового миропорядка было сохранение status quo в Центральной Европе двумя гарантами – Францией и Швецией, но они предпочли пожертвовать системой, направленной на сохранение мира, ради достижения собственных экспансионистских целей. Однако трактовать внешнюю политику Людовика XIV как исключительно агрессивную (“шизофрения французской политики”), по нашему мнению, не совсем справедливо, поскольку в большинстве случаев она имела солидное юридическое обоснование и нередко была ответом на политику Священной Римской империи. Но важно то, что во время борьбы против Франции идеологическим базисом международных отношений в Европе становился баланс сил, главной метафорой которого, как верно подметил Х. Духхардт, был не столько “мир”, сколько “свобода”, что привело к постепенному отказу от института гарантов Вестфальского мира и системы Великих держав (с. 58–62).

В рамках исследуемой эпохи весьма значимо обращение Х. Духхардта к формулам “Европа” и “баланс сил”. “Европа” стала интеллектуальным ответом на политический универсализм. А метафора “баланс сил”, появившись в двух соглашениях в Утрехте (англо-испанском и испано-савойском), в дальнейшем применялась иносказательно. Автор объясняет этот феномен двусторонним характером договоров на конгрессах, что уменьшало ее правовое значение. К тому же многие политические игроки рассматривали систему баланса как несовершенную, предполагавшую равенство европейских государств, что, естественно, не устраивало великие державы (с. 79–85). В результате Х. Духхардт приходит к выводу, что из трех международно-правовых метафор – “Вестфальский мир”, “баланс сил” и “Европа” – только последняя в различных ее вариативных выражениях на практике стала каноном международного права XVIII в. (с. 119).

В главе “От Вестфальского мира к революционной эре” историк выделяет две модели мирных конгрессов – Вестфальскую, как многостороннюю конференцию с вовлечением посредников и наблюдателей, и Утрехтскую с ее секретной дипломатией, условной открытостью для достижения быстрых результатов

и ограниченным посредничеством (с. 94). Последняя модель чаще применялась в веке Просвещения и в эпоху революционных войн.

В третьей главе миропорядок эпохи Модерна представлен с учетом новейших исследований. Заметно, что с течением времени Х. Духхардт скорректировал свою концепцию Вестфальского мира. Несмотря на то, что в 1648 г. были выработаны принципы международного контроля и территориальной интеграции, вестфальская модель не стала моделью миропорядка той части континента, которая контролировалась ее гарантами. По мнению Х. Духхардта, наполеоновскую систему государств тоже можно было бы рассматривать как попытку создания мирного порядка, если бы она не противоречила традиции политической мысли, основывавшейся на свободном союзе суверенных государств. Как надстройка над мирной системой автора больше занимает Священный союз, впервые в истории Европы сделавший шаг навстречу “национальным” интересам и укреплению политического порядка, хотя его основателями были абсолютные монархи (с. 125–131).

Вразвитие концепции мира, полагает Х. Духхардт, век Просвещения внес не так много, а на практике укрепился конструкт Пентархии (Франция, Австрия, Великобритания, Россия и Пруссия). Однако в сочинениях того времени был поставлен вопрос, способны ли Великие державы или иные монархии сохранять мир, на что не всегда давался положительный ответ, высказывались мнения о склонности монархий к агрессии в силу их внутренней структуры и устремлений государей (с. 139–141). Идеи республиканизации континента, способной погасить кризисы, тогда остались утопией, как видно, потому, что монархия в мире дворов и альянсов была нормой, а республики казались старомодными и отсталыми. Старый порядок, подытоживает Х. Духхардт, не создал политическую ситуацию на континенте, в которой мир являлся бы правилом, а не война, но был долгим путем в Европу в смысле строительства основ общеевропейской мысли, формирования компонентов пространства опыта, коммуникаций и менталитета (с. 149–150).

В заключение автор поднимает проблему реальности и мифа в существовании Вестфальской системы. Его критика понятия “Вестфальская система” начинается с того, что в исторической лексике и в германских исследованиях такого понятия нет. Оно активно используется в англо-американской историографии как устоявшийся факт, а не как дискуссионный термин. При этом “Вестфальская эра” не заканчивается Французской революцией, а продолжается до 1945 г. Особенно спорным, по

мнению Х. Духхардта, выглядит эмоциональное утверждение американского правоведа Л. Гросса, который в 1948 г. заявил, что Вестфальский мир открыл эру суверенных абсолютистских государств, не признающих никаких высших авторитетов. Впоследствии эта мысль, навеянная созданием ООН и других международных организаций, была развита в 1990-х годах и звучала теперь так: Вестфальская конференция создала европейскую систему суверенных государств (с. 152–154). Сегодня, не сомневается историк, между старым мифом и его новой трактовкой есть непосредственная связь, а американские правоведы, историки и политологи используют модель большого формата в духе нового реализма и мировой политики США. Рассуждения ученого звучат несколько эмоционально, заметны его опора на немецкий и европейский материал и антиглобалистская направленность. Автор приходит к выводу, что три столпа мифа о Вестфальском мире – государственный суверенитет, паритет и баланс сил в Европе в строгом смысле не происходят прямо из него, за исключением паритета (с. 158–159). Тем не менее Х. Духхардт не отрицает существования с 1648 г. постоянно менявшейся системы государств, которая закончила свое существование в эпоху Французской революции. И назвать ее Вестфальской, учитывая размышления Х. Духхардта, пожалуй, не будет ошибкой.

В четвертой главе автор показывает восприятие Вестфальского мира в исторической ретроспективе, выделяя особенности исторической памяти в разных немецких городах и в разное время. Вестфальский мир считался эпохальным событием до конца XIX в., а затем рассматривался уже как пример унижения немцев и ослабления Германии. Поэтому “Версальский мирный диктат” 1918 г. трактовался как “второй Вестфальский мир”, а снятый тогда в Мюнстере игровой фильм о заключении договоров в Вестфалии не обеспечил кассовых сборов (с. 166–174). После Второй мировой войны вестфальские соглашения вновь стали объектом политизации, они рассматривались как начало цивилизованной Германии. Х. Духхардт считает, что Вестфальский мир – не национальный или европейский миф, а трезвый политический документ своего времени, оставивший пространство для эмоций в памяти. Поскольку мир ассоциировался с путем к новому идеалу национального государства, историк констатирует преобладание его позитивного образа в Европе. В любом случае теория и практика сохранения мира в раннее Новое время может служить образцом дипломатии в наши дни лишь относительно.

На протяжении всей книги прослеживается генезис взглядов Х. Духхардта, его глубокое знакомство с новейшими исследованиями в области истории, политологии, социологии и культурологии. Заметно, что историк способен отойти от традиционных теорий, и не особенно восприимчив модным веяниям в историографии. В работе не предлагается окончательной концепции и не ставится точек над “i” в

дискуссиях о сути международных отношений раннего нового времени. Прежде всего книга располагает к серьезным размышлениям о мире уже в рамках современности, и это главное.

*Л.И. Ивонина,*  
доктор исторических наук,  
профессор Смоленского государственного  
университета